

Цяньху Се кивнул и, стоя на месте с мечом лезвием назад, произнес:

— Не говоря уж о том, что он всего лишь сын чиновника, попади к тебе в руки сам Цуй Цюэ, ему тоже пришлось бы исполнить долг перед государем и отдать жизнь. Убьешь его — лишь добавишь к своим преступлениям еще одно, смерти тебе всё равно не избежать. Ваше Учение Белого Лотоса разве не клялось спасти мир и помогать людям? Неужели перед лицом неизбежного конца ты совершишь напрасный грех убийства?

Лицо его выглядело слегка холодным, но уголки губ от природы были чуть приподняты, а говорил он не спеша и вкрадчиво, будто вел неспешную беседу с патриархом Сюем.

К несчастью, патриарху Сюю было не до бесед. Мышцы на руке, которой он захватил шею Цуй Се, напряглись, и он свирепо гаркнул:

— Спасать мир и помогать людям?! Убивать вас, чиновничьих псов и ищеек, — вот что значит спасать мир! Мы всего лишь благочестивые миряне, молящиеся Будде и Бодхисаттвам, а дворец ни за что ни про что забирает жизни честных людей! Нам что же, покорно подставлять шеи под ваши мечи?! Сделай еще шаг, и я первым делом отрублю руку этому щенку!

Цяньху Се со вздохом произнес:

— Как жаль. Молодой господин Цуй, не беспокойся: когда ты погибнешь за правое дело, я непременно подам доклад с просьбой об увековечивании твоих заслуг. Император милосерден и мудр, он распространит эту милость и на твоего отца, Цуй Цюэ.

Цуй Се пару раз кашлянул и с горькой ухмылкой ответил:

— В таком случае глубоко благодарен вам за доброту, господин. Но не могли бы вы попросить для меня иную милость? Не мог бы император поощрить мою покойную мать?

Взгляд цяньху Се наконец переместился на его лицо. Уголки его губ изогнулись еще сильнее, и он кивнул:

— Редко встретишь молодого человека столь высокого духа. Я, Се, принимаю твою просьбу и непременно вымолю эту награду.

С этими словами он сжал меч в правой руке, взмахнул левой и повел бойцов Цзиньивэй вперед.

Патриарх Сюй сквозь зубы процедил:

— Ладно! Коль ты не боишься смерти, я убью тебя первым в отплату за жизни братьев нашего Учения!

Раньше, чтобы удобнее волочить Цуй Се, он захватил его шею локтем, держа клинок острием наружу. Решив убить юношу, он повернул кисть, намереваясь сменить хват. И ровно в этот миг, пока клинок разворачивался, Цуй Се неожиданно вскинул голову к крыше и пронзительно крикнул:

— Святая Мать Белого Лотоса!

Патриарх Сюй подсознательно метнул взгляд вверх, и его рука замерла в воздухе. Цуй Се воспользовался этой секундой: вцепился в его руку, отталкивая ее от себя, и со всей силы боднул головой назад. Он и сам не понял, куда именно попал, но от удара у него вспыхнула

резкая боль и затуманился разум. Сполоснуло и по ранам на ногах — колени подкосились, и юноша кулем осел на землю, увлекая за собой и руку патриарха Сюя.

Патриарх Сюй подался вслед за ним вперед, едва не выронив меч. Наклонно опустившийся клинок скользнул по плечу Цуй Се, оставив неглубокий порез. Но юноша с размаху грохнулся задом на каменную мостовую, и раны от побоев отозвались такой мучительной, ранящей само сердце болью, что он даже не заметил царапины на плече. Упав, он тут же откатился в сторону и смог замереть, лишь уткнувшись лицом в землю.

Эта вспышка действий истощила все его силы и терпение: даже замахнись патриарх Сюй мечом снова, Цуй Се не сумел бы шевельнуться.

Патриарха Сюя от удара ослепило болью в носу, из глаз потекли слезы, а меч чуть не вывалился из пальцев. Кое-как смахнув слезы, он обнаружил, что со всех сторон его уже окружили бойцы Цзиньивэй, а расшитый весенний меч цяньху Се замер у самого его лица.

Понимая, что надежды на бегство нет, он воспылал к Цуй Се лютой, въевшейся в кости ненавистью. Игнорируя длинный меч, упершийся ему в грудь, он взмахнул своим клинком, намереваясь забить Цуй Се.

Но не успело лезвие опуститься, как в воздухе встал тонкий расшитый весенний меч. С чистым, звонким гулом металла и нефрита он отбил японский меч вожака. Затем расшитый весенний меч скользнул вперед вдоль рукояти, рассек плоть и кость и одним выкручивающим движением лишил его правой руки.

Подоспевшие младшие командиры тут же скрутили патриарха Сюя. Цяньху Се вложил меч в ножны, наклонился и потянул Цуй Се за руку. На его губах по-прежнему застыла полуулыбка, а голос звучал мягко:

— Похоже, просить о посмертной почести для тебя не придется. Твою сегодняшнюю заслугу — помощь Цзиньивэй в поимке патриарха Учения Белого Лотоса Сюй Инчжэня — я честно изложу в докладе. Твой испуг не останется без награды.

Раны на ногах Цуй Се от падения снова разошлись. Штаны намокли от крови, но благодаря широкому крою одежда еще не пропиталась насквозь. Однако всё, что ниже ран, онемело, и подняться он не мог.

Цяньху Се попытался приподнять его, но юноша не сдвинулся с места. Офицер сначала удивился, а затем подумал, что тот ведь книжник, и в подобной переделке вполне мог от страха лишиться сил. Посему он присел, подхватил его под мышки и помог встать, посмеиваясь:

— Ты же только что был таким храбрецом! Сам патриарх Учения Белого Лотоса попался на твой обман, а теперь испугался? Я слышал, будто последователи Учения Белого Лотоса веруют в Майтрею. А что еще за Святая Мать Белого Лотоса? Где ты о ней слышал?

Разве в фильмах у Учения Белого Лотоса нет Святой Матери? Или он перепутал, и на самом деле Святая Дева?

Цуй Се не был уверен. Он бросил взгляд на патриарха Сюя, увязанного на земле, словно цзунцзы, и заметил на его лице такое же замешательство. Опустив веки, юноша виновато ответил:

— Я и сам не знаю, есть ли она у них. Просто подумал, что всё в мире делится на инь и ян: если есть патриарх, должна быть и Святая Мать ему в пару... Вот и сболтнул первое, что пришло в голову.

Стражники Цзиньивэй расхохотались. Лишь Пэн Янь подбежал к нему, обнял и зарыдал:

— Молодой хозяин! Молодой хозяин, у вас раны снова открылись! Умоляю, господа, позвольте нашему молодому господину пройти в заведение и отдохнуть, дайте нам найти лекаря!

Цяньху Се проследил за взглядом Пэн Яня и только тут заметил темное кровавое пятно, расплзшееся по подолу. Ноги юноши подгибались не от страха — он не мог стоять из-за тяжелых ран. Чуть приподнятые уголки его губ сжались. Взглянув на Пэн Яня, цяньху Се насутился и спросил:

— Твой молодой господин — сын чиновника Министерства финансов, откуда у него такие раны? Кто в столице посмел подвергнуть сына чиновника столь жестокому наказанию палками? Ваш хозяин совсем умом лишился: вместо того чтобы подать жалобу в Министерство наказаний или Палату уголовных дел, он отправил раненого сына прочь из столицы!

Пэн Янь только сейчас осознал, кому отвечает, и, содрогаясь от страха, пробормотал:

— Нет... это наш хозяин приказал так избить молодого господина. Лишь потому, что тот в саду толкнул второго молодого господина. Хозяин посчитал, что он не проявляет братской любви, приказал побить его и выгнать из столицы...

Цяньху Се поджал губы и отдал приказ подчиненным:

— Принесите скамью-лежак, отнесите молодого господина Цуя в постоянный двор. И пусть кто-нибудь проворный возьмет мою визитную карточку, скачет в столицу и пригласит из лавки «Юнхэтан» императорского лекаря Лю осмотреть раны.

Затем он повернулся к Цуй Се:

— Нам не следует вмешиваться в ваши семейные дела, но Цзиньивэй имеет некоторый вес. Напиши письмо Цуй Цюэ, а я отправлю человека доставить его. Так твой батюшка не станет бранить тебя за непослушание и остановку в Тунчжоу.

Тут же кто-то подал кисть и бумагу. Пэн Янь сообразительно повернулся спиной и дал расстелить листок у себя на спине, чтобы Цуй Се было удобно писать.

Цуй Се взял кисть, прижал бумагу другой рукой, но долго заносил руку в воздухе, так и не решаясь коснуться листа. Он ведь в глаза не видел почерка прежнего хозяина этого тела! А сам он не учился каллиграфии с тех пор, как умерли его родители в той жизни — его умения хватало разве что на объявления да похвальные грамоты для школы. Что, если он напишет хоть слово и сразу выдаст себя?

От волнения на лбу выступил пот, запястье задрожало.

Цяньху Се, все еще поддерживавший его, почувствовал, как юноша дрожит всем телом от рук до ног. Решив, что тот обессилел от ран, офицер забрал кисть и проговорил:

— Письмо тоже требует сил. Я сам позже составлю послание и отправлю в твою усадьбу. Выхаживайся здесь спокойненько и не бойся гнева отца: в Поднебесной не водится такого

порядка, чтобы человека карали за помощь в исполнении государева повеления.

Цуй Юань с сыном уставились на цяньху Се широкими глазами, втайне надеясь, что тот убедит господина вернуть старшего молодого хозяина домой. Один лишь Цуй Се возвращаться вовсе не хотел, но сказать об этом прямо не мог, а потому воспользовался доводом, которым его ранее убеждал Пэн Янь:

— Благодарю за доброту, цяньху. Однако Цяньань — наша родовая усадьба, да и там куда спокойнее, чем дома. Мне будет гораздо удобнее готовиться к экзаменам и учиться именно там.

Цяньху Се внимательно взглянул на него. Заметив, что взгляд юноши ясен и лишен обиды или злобы, а сам он, похоже, искренне считает жизнь в провинции лучшим выбором, офицер немало удивился. Вскинув бровь, он ответил:

— Раз так, я всё устрою.

В этот миг слуга из постоянного двора принес скамью-лежак. Цяньху Се уложил на нее Цуй Се, отступил на шаг и сказал:

— На мне лежит высочайшее повеление, я должен доставить этих еретиков к двору, так что задерживаться не стану. Молодой господин Цуй, выздоравливай и усердно учись. До встречи в столице!

Цуй Се, лежа на скамье, не мог даже сложить руки в приветственном жесте, а потому лишь кивнул:

— Благодарю за заботу, цяньху. Мне неудобно подняться, так что позвольте прямо отсюда пожелать вам и вашим людям попутного ветра и блистательного будущего.

Стражники Цзиньвэй вместе с захваченными верховодами Учения Белого Лотоса гордо удалились, и лишь тогда постоянный двор и окружающая улица снова ожили. Хозяин заведения лично отвел Цуй Се лучшую комнату, наотрез отказавшись брать плату, призвал местного знаменитого врачевателя прописать снадобья и даже выделил отдельную печь, чтобы готовить для него лечебные отвары и бульоны.

<http://bllate.org/book/18372/1761234>